

подготовлено Натаном Лейтесом и посвящено выяснению того, как лидеры Третьего интернационала, который до 1943 года, объединял коммунистические партии различных стран мира, мотивировали изменения политического курса. В соответствии с правилами политического поведения коммунистические пропагандисты должны были, с одной стороны, довести до широких масс информацию об изменениях политического курса, а с другой – объяснить, что никаких изменений не было, что новые документы полностью соответствуют прежним лозунгам.

Обе названные главы относятся к третьему разделу, в котором сосредоточены статьи по анализу конкретных политических текстов и их комплексов. Представляется, что современным российским читателям окажутся небезыносными статьи американских советологов, посвященные методам коммунистической пропаганды. Но не меньшую значимость имеет сама методология контент-анализа, которую разработали и успешно применили американские специалисты. Важно подчеркнуть, что эта методология впоследствии была использована во множестве исследований, она позволяет количественно выразить многие нюансы развития политической ситуации и выявить скрытые интенции авторов политических текстов.

Серия классических для мировой политической лингвистики публикаций, созданных специалистами, работавшими в прошлом веке, будет продолжена в последующих выпусках журнала «Политическая лингвистика».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма. М., 1971.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006.

Lasswell H.D. Language of Power // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. – № 20.

Lasswell H.D., Leites N. et al. Language of Power: Studies in Quantitative semantics. – New York: George W. Stewart, 1949.

© Косарев М.И., Овсянникова И.А., Солопова О.А., 2007

Лейтес Н.

Перевод: Косарев М.И.

ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Abstract

The present investigation deals with the meta-language of Communist International (Comintern) about the changes of the "object-language" of the Comintern. As the author puts it, there were several "shifts" in the political line of the Comintern in its history. The author gives a survey of the changes of Comintern policy and speaks about the factors responsible for denials of political changes. The author analyses forms of denial (negations and affirmations of constancy) derivations of denial and sub-types of the derived denials (containing assimilation between the old and the new by redefinition of terms or by the modification of presentation of old dogma).

Введение. Настоящее исследование посвящено анализу тех знаков Коммунистического Интернационала (к которому мы будем обращаться общепринятой аббревиатурой «Коминтерн»), которые

связаны с его собственными знаковыми вариациями во времени. Используя терминологию некоторых современных эпистемологических исследований можно сказать: его целью является исследование метаязыка Коминтерна, описывающего изменения «языка-объекта» Коминтерна. Дальнейшие цели данного исследования двояки 1) оно вносит вклад в изучение символических аспектов революционных методов с периода Первой Мировой войны; 2) нижеследующий анализ может стать основой для разработки более общей теории динамики политических и иных догматов.

Для исследования данной динамики в современной политике Коминтерн является, вероятно, наиболее ярким примером. Это объясняется рядом причин, наиболее значимы среди которых следующие: 1) Политические догматы Коминтерна, в отличие от догматов любого из современных крупных политических движений, более детально проработаны; 2) С течением времени эти догматы подвергались изменениям, частота и амплитуда которых превосходила вариации учений соперников; 3) Эти изменения находили гораздо большую поддержку среди сторонников Коминтерна, чем отмечалось в сходных ситуациях у политических оппонентов. В этой связи настоящее исследование можно рассматривать как анализ *некоторых из* «методов и приёмов», использовавшихся политической элитой Коминтерна, чтобы получить поддержку при изменении политического курса.

Использовавшийся материал: при рассмотрении периода с 1919 по 1935 годы – стенографические отчёты 7-ми всемирных конгрессов Коммунистического Интернационала (Всемирные конгрессы Коминтерна проходили в 1919, 1920, 1921, 1922, 1924, 1928 и 1935 годы. В цитатах из отчётов рассматриваемый конгресс будет обозначаться римской цифрой. Отчёты по первым пяти конгрессам на немецком языке – опубликованные Карлом Хоймом, последователем Луи Канбли в Гамбурге, в 1921 г. (I, II, III), в 1923 г. (IV) и без даты (V) – использованы автором в собственных переводах, если не указано иное. Отчёты по двум последним конгрессам, опубликованные на английском языке, предоставлены издательством «Инпрекорра» за исключением отчёта Бухарина об Исполкоме по 6-му Конгрессу, использованного в виде издания «Инпрекорра» на французском языке. Все ссылки на страницы касательно 6-го Конгресса относятся к тому «Инпрекорра» 1928 года, ссылки, касающиеся 7-го Конгресса, относятся к тому «Инпрекорра» 1935 года, несмотря на то, что указан том 1936 года) и – при рассмотрении периода, начиная с 1935 года – еженедельный коминтерновский бюллетень «Интернационале Прессе Корреспондент» (Инпрекорр), в 1938 году переименованный в «World News and Views». При анализе сдвигов, произошедших в политической линии с началом войны между Германией и Россией в 1941 году как источник материала рассматривалась «New York Daily Worker». В отношении роспуска Коммунистического Интернационала рассматривалась резолюция президиума Исполнительного Комитета Коминтерна от 15 мая 1943 года. Были выделены следующие значимые изменения

политического курса Коммунистического Интернационала (ср. в контексте: Х.Д. Ласвелл, Д. Блуменсток *Мировая революционная пропаганда* (Нью-Йорк 1939), Ф. Боркенау *Коммунистический Интернационал* (Лондон 1939), А. Роезберг *История большевизма* (Лондон 1934)):

1. **Правый поворот 1921 года.** Политики, ориентированная на скорейшую победу революции и проявление крайних форм агрессии по отношению к другим рабочим организациям, сменяется курсом, ориентированным на установление «спада» революционного процесса, поддержку относительной легитимности и совместные с другими рабочими организациями действия «единым фронтом сверху», а также «снизу» и в «рабочих правительствах».

2. **Левый поворот 1924 года.** Отказ от сотрудничества с рабочими организациями при формировании «единого фронта снизу», возвращение к «диктатуре пролетариата» как непосредственной цели.

3. **Левый поворот 1927-1928 годов.** После промежуточного периода 1925-1927 годов с его ослаблением агрессии к иным рабочим организациям, свидетельством чему стал «Англо-Российский профсоюзный альянс» и политика компартии США, связанная с «Фермерской рабочей партией», произошёл отказ от сотрудничества с «социальными фашистами» и поворот в сторону «двойного профсоюзного представительства» и повстанческих жестов.

4. **Правый поворот 1934-1935 годов.** Поворот к «единому пролетарскому фронту сверху», «органическому единству рабочих партий» и «рабочему фронту».

5. **Левый поворот 23 августа 1939 года** совпал с кодификацией изменения отношений между Советским Союзом и Германией.

6. **Поворот 22 июня 1941 года** совпал с началом германско-советской войны.

Настоящее исследование рассматривает типическую знаковую структуру реального принятия изменений курса и их отрицаний, как они представлены в упомянутых источниках (как критически оцениваемые или безоговорочно принимаемые). Впрочем, гораздо проще для многих было данные изменения намеренно не замечать. Зная слова Дж. Б. Шоу о том, что «во время любого военного кризиса Сталин вёл себя, как если бы немецкая армия и её главнокомандующий не существовали вовсе» (*New Statesman and the Nation*, 31.05.1941: 555), кто-нибудь мог бы предположить с большей вероятностью, что сталинский Коминтерн не считал изменения политического курса существенными и даже не брал на себя труд отрицать сам факт того, что они произошли. Коминтерн всё более и более «жил одним днём». Если происходило изменение курса, всё внимание концентрировалось на том, чтобы доказать, почему новый курс был правильным, а не на том, был ли он новым и в чём его новизна. На это и на то, в какой мере изменения отрицались, влияли, вероятно, те же факторы.

Часть 1. ОТРИЦАНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ

1. **Формы отрицания.** Отрицания перемен можно классифицировать по определённым формальным характеристикам. В связи с этим, представляется возможным и значимым в аналитических целях различать собственно отрицание перемен и утверждения о неизменности ситуации.

Утверждения о неизменности ситуации присутствуют во всех рассматриваемых случаях. Это, однако, ещё не говорит, что роль этого приёма в сравнении с иными – также встречающимися и часто противоречивыми – оставалась неизменной. По вполне понятным причинам утверждения подобного рода обычно делались верхушкой доминирующей фракции Коминтерна, ответственной за старый политический курс и сумевшей остаться у власти при новом режиме.

По-видимому, частота применения подобной тактики в течение всего времени существования Коминтерна постоянно росла. Это может быть связано с рядом факторов, среди которых назовём: 1) нетерпимость к разногласиям внутри Коминтерна; 2) уменьшающуюся со временем приверженность элиты Коминтерна общедоступной идеологии; 3) видимое исчезновение реализма из взглядов этой элиты.

Прямые утверждения неизменности ситуации могут дополняться утверждениями постоянства применительно к периоду не непосредственно предшествующему данному, а более отдалённому от него. Поскольку, как видно из истории Коминтерна, правые и левые повороты, связанные с ними изменения в политике значительно отличались друг от друга. Часто политический курс, принятый на одном из таких поворотов, вполне справедливо можно было бы признать идентичным предшествующему повороту в том же направлении. Это, конечно, не может служить достаточным *thema probandum* (лат. доказательство тезиса), и являет собой *ignoratio elenchi* (лат. подмена тезиса), что, вероятно, помогает создать и укрепить в обществе иллюзию неизменности курса по сравнению с ближайшим прошлым.

Так, напр., на 7-ом съезде Коминтерна в 1935 году генсек Исполкома Коминтерна Георгий Димитров со ссылкой на 4-ый и 5-ый съезды (1922, 1924 годов), когда «исход зависел по существу от вопроса (о рабочем правительстве), который мы обсуждается сегодня (о правительстве единого фронта). Дебаты по данному вопросу, проходившие в то время в Коммунистическом Интернационале, не утратили своей значимости и до настоящего момента...». Ссылка Г. Димитрова на значимость не только 4-го Конгресса (ознаменовавшего правый поворот в политике), но и 5-ого (ставшего сигналом левого поворота), видимо, служила основной цели выступления: разубедить в том, что 7-ой Конгресс был обновлённой и гораздо более радикальной формой «правого» 5-го Конгресса. Похожим образом, но более открыто отрицания изменения

политического курса после начала войны между Германией и СССР в 1941 году осуществлялись со ссылкой на особенности курса 1934-1939, а не 1939-1941 годов.

Как мы отмечали выше, наряду с речевыми утверждениями о неизменности политического курса, которые мы рассматривали до настоящего момента, необходимо анализировать и речевые отрицания перемен. Отрицания перемен по своей сути могут отрицать сам факт изменений, либо заявлять о ложности обратных утверждений.

До тех пор, пока открытое несогласие было возможным в Коминтерне, утверждения, указывающие на изменения, были достаточно распространены и по понятным причинам исходили от представителей к тому моменту меньших политических групп, независимо от того, принадлежали ли они к большинству ранее. Так, на 5-ом Конгрессе на факт левого поворота в политическом курсе указывали два крайних коминтерновских политических крыла: крайне правая группа Радека-Брандлера (принадлежавшая к доминирующей фракции большую часть времени между 4-ым и 5-ым Конгрессом) и ультралевая группа Амадео Бордиги, принадлежавшая к оппозиционным силам со времён 2-го Конгресса в 1920 году. Напротив, умеренно правые (как часть руководства компартии Чехословакии) и умеренно левые (как новое руководство компартии Германии) в большей или меньшей степени склонялись к тому, чтобы согласиться с отсутствием перемен в политическом курсе, как продолжал заявлять представитель «ядра» Коминтерна Г.Е. Зиновьев. Эти фракции, занимавшие промежуточные позиции, или уже заключили мирный договор с группой Г.Е. Зиновьева, или собирались его заключить. Принятие этими группами мифа о неизменности курса было требованием советского руководства Коминтерна и являлось «символом доброй воли». На 7-м Конгрессе, однако, «торги» подобного рода были пресечены введением более строгой интерпретации идеологической целостности. Фракция большинства, в такой ситуации, могла отрицать утверждения политических перемен, исходящие лишь от лиц и организаций вне Коминтерна, либо от его безымянных членов (в такой ситуации назвать по имени значило бы исключить из рядов. Так, Г. Димитров был вынужден ограничиться неопределённым «*есть на свете всезнайки*, усмотревшие во всём этом (новой политике, провозглашённой Конгрессом) какой-то правый поворот» [VII: 977]).

Кроме упомянутых изменений в отношении к несогласию внутри Коминтерна, сохранялись определённые символические способы работы с ними.

Наиболее распространённым способом было выдвинуть опровержение утверждения об изменении Коминтерном курса со ссылкой на мотивы авторов данного утверждения. (Тесная связь данного способа, который часто использовался не только в Коминтерне, с общей струк-

турой «диалектического материализма очевидна.) Апелляция к «недобрым» мотивам, предположительно, прямо опровергала утверждения, либо сводила на нет возможность с ними согласиться. Так, в ходе 5-го Конгресса Г.Е. Зиновьев воскликнул: «Как можно говорить, что мы что-то пересматриваем (тезисы 4-го Конгресса)? Нет, товарищи, это просто агитационный лозунг Радека, направленный против Коминтерна, не более» [V: 485]. И снова в отношении упрека Радека: «Товарищи, вы, конечно, понимаете теперь, когда мы впервые должны работать без товарища Ленина, когда разные страны охвачены суровым кризисом, каков подтекст этого упрека» [V: 467].

В такой же манере Г. Димитров на 7-ом Конгрессе обыграл своё высказывание о «всезнайках», указывавших на правый поворот, заявив: «В моей стране, Болгарии, говорят, что у голодной курицы все мысли о пшене. Пусть эти политические цыплята так думают». Подобным образом в пресс-конференции 24 августа 1939 года Эрл Браудер упомянул, что «многие газеты комментируют это (российско-германский пакт) как изменение политического курса Советского Союза. Всё это, конечно, чушь, но чушь, в достаточной степени приемлемая для Берлина» (World News and Views, 26.08.1939: 914)

С определением утверждений об изменении политического курса как имеющих «оппортунистические корни» становится возможным перевернуть пропозициональную цепочку и на основании утверждений, что политика Коминтерна изменилась, сделать заключение о наличии «оппортунизма». Прекрасным примером такой техники являются тщательно подготовленные слова Вензеля, чехословацкого делегата, входившего в группу Г.Е. Зиновьева [ср. V: 209-210]. В попытке доказать, что большинство членов его делегации совершили «правый поворот», он зачитывает декларацию этого большинства, в которой рассматривается сама возможность получения выгоды от изменения политического курса 5-ым Конгрессом. Используя это как главное доказательство без каких-либо промежуточных связей он делает вывод о наличии «оппортунистических тенденций» в группе. Конечно, та же самая техника используется для доказательства догмы, что ультралевые сдвиги по своей природе правые. Так, Г.Е. Зиновьев на 5-ом Конгрессе не смог не отметить согласие правого Радека и левого Бордиги с тем, что происходит смена курса, и многозначительно добавил: «Это случается при крайне левых сдвигах. Ультралевые и ультраправые сходятся» [V: 104].

Если один из способов дискредитации заявлений об изменении политического курса состоит в приписывании их авторам отрицательных мотивов, то второй заключается в том, чтобы повернуть предоставленные данные против них. Главный лозунг в этой ситуации – «не мы изменяем, а вы изменяете» (В этих случаях мы можем наблюдать или не наблюдать «проекцию» в

строго психологическом смысле данного термина). Напр., на 5-ом Конгрессе Г.Е. Зиновьев заявляет: «Полагаю, я могу утверждать и привести доказательства того, что это не мы предлагаем пересмотреть резолюции 3-го и 4-го Конгрессов, а именно Радек и другие правые» [V: 467]. Похожим образом в статье «Daily Worker» после начала германско-советской войны Л. Буденц указывает: «Многих из тех, кто, продолжая «игру Империи», кричал о войне с гитлеризмом, просят объяснить их непоследовательность теперь, когда Советским Союзом ведётся настоящая война против гитлеровской агрессии. Чтобы скрыть свою непоследовательность, эти люди упрекают в непоследовательности коммунистов» (Daily Worker, 26.06.1941).

Ещё один слоган, связанный с рассмотренным выше, в отношении утверждающих, что «мы изменились», звучит «мы не изменились, но нам пришлось бы это сделать рано или поздно, если бы мы действовали так, как вы говорили». Так, в статье «Daily Worker», опубликованной после начала германско-советской войны и адресованной авторам идеи, что Коминтерн осуществил резкий поворот в политике после 23 августа 1939 года и 22 июня 1941 года говорится: «вы ожидали, что коммунисты (с началом войны в сентябре 1939 года) сделают резкий скачок в сторону, поддержав ваши цели империалистической войны» (Daily Worker, 26.06.1941).

Среди факторов, определяющих необходимость постоянного опровержения утверждений об изменении политического курса в течение истории Коминтерна, самым очевидным и, вероятно, наиболее важным является следующий. Степень «субъективной ригидности» близких Коминтерну организаций на разных уровнях иерархии, вероятно, уступает в большей степени символически эластичной структуре идеологии Коминтерна, т.е. главные символы Коминтерна допускали возможность выведения большого числа политических перемен, но в то же время актуализации этой символической гибкости, признаваемые как таковые, вызывали негативные реакции сторонников, как лёгкое недоумение, так и полный шок. Нет причин считать, что поведение членов Коминтерна в этом отношении являло собой исключение в широко распространённой модели социального поведения, но детально проработанная идеология коминтерновских стратегий и тактик имела свойство повышать степень субъективной (в отличие от символической) ригидности его сторонников. Представителями групп в составе Коминтерна, опровергавшими изменения в политике (которые действительно имели место), в противоположность тем, кто утверждал обратное, это часто принималось как само собой разумеющееся.

Очевидно, степень субъективной ригидности различалась в разных группах сторонников и в данный период, и в иные периоды времени. Отсутствие доказательств не позволяет нам идти в этом утверждении дальше логически

приемлемых предположений.

Отсюда можно предположить, что статус человека в иерархии Коминтерна и степень его ригидности в смысле, в котором мы употребляем слово выше, связаны обратной связью. (Однако, при желании можно взглянуть на это и так, что поскольку наиболее низкие уровни иерархии, т.е. более или менее инертный сектор обычных членов партии менее политизирован, данный сектор и является наименее субъективно ригидным в отношении политических перемен.) Более того, при рассмотрении каждого отдельно взятого политического изменения можно сделать вывод о наличии обратной связи между степенью субъективной ригидности и временем, которое уже прошло с момента изменения. Это один из главных факторов, объясняющий, почему наиболее интенсивно политические перемены отрицаются сразу после того, как изменение становится очевидным. Так, напр., в первые дни после начала войны в августе 1939 года преобладали отрицания, со временем сменившиеся простым признанием факта.

Можно предположить, что со временем актуализация данного феномена обрела снижающуюся тенденцию. На это оказал влияние ряд факторов, среди которых можно назвать следующие: накапливающееся влияние (увеличивающегося) числа более резких изменений, снижающаяся сила верований и интереса к верованиям (по крайней мере, касательно действительно существенных принципов, а не формального убеждения в том, что руководящее звено движения всегда право), подбор кадров для высших и средних уровней иерархии с учётом фактора субъективной гибкости. Связанное с этим снижение субъективной ригидности кадрового состава вылилось в снижение необходимости отрицать изменения политики. Но присутствовали и взаимопротиводействующие факторы. С одной стороны, всё увеличивающаяся степень изменений не могла не усиливать необходимость отрицания перемен; с другой стороны, тенденция к исчезновению внутрипартийной критики по основным пунктам политики и утверждению догмы непогрешимости лидеров Коминтерна облегчала задачу отрицания.

Если рассматривать различия в случаях отрицания перемен в относительном аспекте, становится заметной наиболее важная связь – между направлением изменения и его отрицанием: по крайней мере до 1939 года правые повороты отрицались более интенсивно, нежели левые. И хотя в данной работе не ставится целью провести детальный количественный подсчёт, можно утверждать, что отрицания играли наименьшую роль на 6-ом Конгрессе (кодифицировавшем самый резкий из левых поворотов) и наиболее значительную роль на 7-ом Конгрессе (постановившем заметный правый сдвиг). Объяснение этому найти легко: психологическая расположенность масс к термину «левый» – и типам поведения, к которым данный термин от-

сылает – в целом присутствует среди членов Коминтерна в период с 1934 по 1935 год, а к термину «правый» – скорее отсутствует (Один из множества указателей на это – технический язык Коминтерна, связанный с характеристикой политических сдвигов, допускает использование термина «левый» со значением «ультралевый» и только в кавычках, тогда как значение термина «правый» всегда содержит сему «политический сдвиг» (и, вероятно, может употребляться только с негативной коннотацией – *прим. пер.*), употребляется практически всегда без кавычек в этом (или любом другом) контексте. (ср., однако, интересные исключения в тезисах 5-ого Конгресса в отчёте Исполкома Коминтерна: ср. английскую редакцию «Инпрекорра» от 29.08.1924: 646: Импликации – часто выраженные эксплицитно – содержат следующее: (1) политика Коминтерна в тот момент такова, что нет и не может быть более «неподдельно левой», чем эта; (2) правые сдвиги в действительности являются левыми). Таким образом, при правых сдвигах было больше стимулов отрицать само изменение, нежели при левых. После длительного влияния беспрецедентно правой политики, начатой в 1934 году ситуация была, вероятно, обратной. Похоже, что на оценочной шкале общества «правость» и «левость» поменялись местами и в результате, левый сдвиг 1939 года отрицался гораздо более интенсивно, нежели правый в 1941 году.

2. Производные отрицания. В случае отрицания изменения курса, само отрицание может иметь или не иметь источником иные утверждения.

В диахронии возможно наблюдать увеличение роли *прямых*, а не *производных* отрицаний в символике Коминтерна, и снижение степени *проработанности* «производности» отрицания в ходе использования. Сразу заметно отличие по данным пунктам между 1924 (5-ый Конгресс) и 1935 годами (7-ой Конгресс). Разумеется, эти тенденции являются указателями на проходящие в Коминтерне процессы «тоталитаризации».

Каковы основные типы дериваций отрицаний изменения политики?

Последующая дискуссия может быть организована вокруг исследования роли определённых наборов предложений в этих деривациях, в частности, предложений фактов, относящихся к: 1) новым символам и порядкам, к которым осуществляется переход; 2) старым символам и порядкам, от которых он происходит. Символический приём, обычно используемый в этой связи, можно определить как «технику символической ассимиляции старого и нового», т.е.: старые и / или новые символы и порядки намеренно представляются так, что при восприятии минимизируется ощущение разницы между ними. Можно говорить о «полной ассимиляции» в случаях, когда различия не воспринимаются, и «частичной ассимиляции», когда различия при восприятии минимизируются, а не отрицаются полностью. Можно говорить также и об «односторонней ассимиляции», если только одна из частей представляется искажённой, и «двусторонней ассимиляции», когда искажаются обе.

Класс односторонней ассимиляции можно разбить далее на подклассы со случаями ассимиляции *старого новому* и случаями ассимиляции *нового старому*, в соответствии с которыми символическая составляющая политики бывает искажена. Если рассматривать символическую ассимиляцию в соответствии с данным определением и как основной базис отрицания политических изменений, представляется возможным и целесообразным исследовать типические основания самой символической ассимиляции. Каким же образом идеология Коминтерна размывает различия между старым и новым?

Среди большого числа разнообразных методик, использующихся в этой связи, самой элементарной – и не самой незначительной – является ассимиляция простым утверждением, т.е. можно просто сделать заведомо ложное утверждение, что Коминтерн «всегда» следовал определённой линии, которая в реальности была представлена лишь недавно. Во всех других случаях, однако, ассимиляция является скорее производной, нежели прямой.

2.1. Символическая ассимиляция переопределением терминов. Новая линия может быть выражена старой формулой, и в то же время на переопределение терминов, которое предполагает данная процедура, не делается вербальный акцент, т.е. факт, что рассматриваемые дефиниции неизменны во времени может эксплицитно выражаться или имплицитно подразумеваться. Эта техника часто использовалась большевицкой элитой при формировании внутригосударственной идеологии. Изменения в аграрной политике, напр., часто сопровождалась намеренными и вербально никак не зафиксированными переопределениями терминов «кулак», «середняк», «бедняк».

Та же самая техника часто фигурировала в манипуляциях символами Коминтерна. Так, Ф. Боркенау указывает относительно термина «рабочая аристократия»: «одно время значение становилось всё более узким, пока не совпало со значением «нанятые и оплачиваемые работники партии и профсоюзов». В другое время оно было расширено до такой степени, что могло употребляться для обозначения любого работающего человека» (The Communist International, Лондон, 1939: 83). То же наблюдается и с ритмом смены значений таких терминов, как «пролетарский авангард», «большинство решающего пласта пролетариата» из известных неологизмов 3-го Конгресса.

А. Переход от 4-го к 5-му Конгрессу. Пример наиболее важного и наиболее иллюстративного использования данной техники в отношении двух ключевых терминов «рабочее правительство» и «тактика единого фронта» дал 5-ый Конгресс Коминтерна. На 5-ом Конгрессе была сохранена главная формула 4-го Конгресса (в соответствии с которой коммунистические партии должны применять тактики единого фронта и требовать формирования «рабочего правительства»), но незаметной подменой зна-

чений ключевых терминов изменён её смысл. (Привести пример не представляется возможным из-за объёма.) Можно ещё раз подчеркнуть, что данные переосмысления вербально не были зафиксированы, поскольку в этом не была заинтересована доминирующая фракция. «Мы продолжаем выступать за рабочие и крестьянские правительства», – заявил Г.Е. Зиновьев [V: 87]. «Тактика единого фронта верна» – уверили общественность [V: 77]. Прямо утверждалось, что дефиниции употреблённых на 5-ом Конгрессе ключевых терминов были идентичны с общепринятыми дефинициями предшествующего периода. В целом только крайне правые (не желавшие изменения курса) и крайне левые (собиравшиеся уйти ещё левее, чем доминирующая фракция, и не верившие в её новоутверждённую «левизну») взяли на себя труд развенчать – что не представляло труда – официальный миф (Было, однако, и умеренно правое крыло, которое составляли смещённые лидеры компартий Чехословакии и Германии, создававшие какую-то видимость своего согласия с новым курсом, а также подтверждавшие его новизну, ссылаясь на изменения в политической ситуации (ср. ссылки Смерал [V: 162] ср. дискуссию об этой знаковой модели: 318) Такое их поведение объяснялось тем, что эти лица обвинялись в высказывании правых взглядов в прошлом, соответственно, особое значение, придаваемое ими существованию сдвигов в политике Коминтерна было обусловлено необходимостью самооправдания [Ср. ссылки Крейбича (Чехословакия) – V: 389; Бордиги (Италия): 399-400 и Радека – V: 162]). Но уже тогда никто не осмелился бы открыто указать на символические приёмы, с помощью которых и был создан миф, только Клара Цеткин отметила вскользь эзегетические усилия Зиновьева [V: 335].

Б. Переход от 5-го к 6-му Конгрессу. В рассмотренном примере метод символической ассимиляции переопределением (переосмыслением) был применён к терминам, относящимся к политике Коминтерна. Теперь рассмотрим пример применения того же механизма к терминам, относящимся к политике организаций вне Коминтерна, но в таких её аспектах, от которых зависела политика Коминтерна.

Доминирующая фракция Коминтерна утверждала как на 5-ом, так и на 6-ом Конгрессе, что наступил «кризис капитализма».

На 5-ом Конгрессе термин «кризис» использовался как синоним «экономического упадка», поскольку в центре внимания находился экономический сектор. Был сделан прогноз дальнейшего развития такой ситуации для всего «капиталистического мира», допуская только частичную и временную стабилизацию.

На 6-ом Конгрессе оценка экономической ситуации Бухариным, имевшая такой же официальный характер, как и оценка Зиновьева в 1924 году от последней значительно отличалась. Термин «третий период» (развития послевоенного капитализма), ключевой термин оценки, относился к ситуации, о которой Бухарин прямо заявил: «...экономика Европы быстро растёт» [VI: 865]. А сам термин определялся им следующим образом: «с экономической точки зрения

второй период (послевоенного развития) можно рассматривать как период восстановления производительных сил капитализма.... За данным периодом следовала третья ступень, период строительства капитализма, выражавшаяся в количественном и качественном прогрессе по сравнению с предвоенным уровнем» [VI: 10]. В соответствии с общей оценкой Бухарина, далее в его докладе можно было бы упрекнуть в паникёрстве любого «буржуазного» экономиста, утверждавшего, что «близка опасность краха мировой кредитной системы» (здесь можно упомянуть, что после 6-го Конгресса сам термин «третий период» в некотором роде подвергался изучаемой нами символической манипуляции. Причина этого состоит в том, на 6-м Конгрессе «Стали и Бухарин (оба) приняли формулу «третьего периода», но давали ей два разных, взаимоисключающих толкования. У Бухарина это означало экспансию капитализма. У представителей левого крыла – приближение новой революционной эры [Боркенау: 336-337]) [ср. VI: 13].

Несмотря на эту резкую смену экономического прогноза 6-ой Конгресс сохранил ставшую к тому времени традиционной уверенность относительно «кризиса капитализма». Это стало возможным благодаря недеklarированному переосмыслению выражения «кризис капитализма», которое было спроецировано на 5-ый Конгресс.

То, что новое определение «кризиса» значительно отличалось от принятого ранее, становится ясным из риторического вопроса, который Бухарин адресовал аудитории: «Если всё это (экономическая стабилизация в середине 1920-х годов) соответствует действительности, что следует далее из вопроса об *общем кризисе мировой капиталистической системы?* Можем ли мы, если всё это правда, говорить, что они означают окончание кризиса капитализма?» [VI: 11-12]. Из результатов анализа содержимого отрицательного ответа Бухарина на этот вопрос становится ясно, что он скрыто *расширил* имплицитное определение употреблённого ключевого термина «кризис» с тем, чтобы имплицитное определение 5-го Конгресса просто соответствовало части новой дефиниции, т.е., говоря материально, а не формально, чтобы подвести одну особую «форму кризиса» под то, что до того момента понималось под «кризисом вообще»: «это верный ответ, *общий кризис капитализма продолжается*, даже интенсифицируется, хотя настоящая форма кризиса *иная*. В настоящее время старая форма кризиса сменилась новой – это всё. Не следует думать, что общий кризис капитализма есть разрушение капитализма в почти всех или большинстве стран. Ситуация обстоит иначе. Кризис капитализма в том, что *в структуре всей мировой экономики проходят радикальные перемены*, перемены, которые в огромной степени и с неизбежностью *усугубляют каждое противоречие капиталистической системы и которые в итоге приведут к его краху*. Давайте, напр., рассмотрим такой факт, как существование

СССР. Что это означает? Это выражение того факта, что кризис продолжается» [VI: 11-12].

Бухарин, как мы увидим, мог дать две разные формулировки. С одной стороны он мог сохранить предыдущее толкование кризиса и затем заявить, что кризис: 1) со временем утих; 2) достигнет невиданного до настоящего времени размаха в ближайшем будущем. Или же он мог переосмыслить значение слова и затем просто повторить текст старой формулы. Как мы увидели, большей частью был избран второй вариант, хотя присутствовала по меньшей мере простая ссылка на первый, когда Бухарин заявил, что кризис, хотя и не исчез, утих [VI: 12]. Это, кроме всего прочего, ещё и пример использования множества противоречащих друг другу тем в изучаемой нами идеологии.

2.2. Символическая ассимиляция модификацией выражения старой догмы. Модификация определения терминов догматических текстов даёт один эффективный способ изменения доктрины, модификация выражения этих текстов даёт второй.

А. Смещение акцентов. «Смещения акцентов» могут в свою очередь классифицироваться в соответствии с тем, могут ли они предполагать полное отсутствие ссылки на существование невыгодных новой политике текстов и / или её полное отрицание. В случаях, когда не наблюдается полное исключение ссылки, могут быть выделены различные субкатегории. Так, определённые тексты могут эмфатизироваться соответствующими модуляциями голоса декламирующего их человека, которые можно зафиксировать на письме курсивом. В письменных текстах, никогда не имевших устного звучания, курсив, конечно, может использоваться с той же функцией. Эта техника широко использовалась на 5-ом Конгрессе, при цитировании тезисов 4-го. Использовалась как сторонниками, так и противниками изменения политики со ссылкой на «рабочие правительства» и «единый фронт».

В настоящем исследовании мы не будем подробно рассматривать иные способы смещения эмфатизации с одного сектора существующей догмы на другой, недостаток которых состоит в умалчивании и / или отрицании существования «неблагоприятных» секторов. Подобные приёмы стали шире употребляться после 23 августа 1939 года, придав речи Сталина на 18 съезде КПСС 10 марта почти исключительную оригинальность. Тематика этой речи уже значительно отодвинулась от тем «общественной безопасности» и «антифашизма», развиваемых в 1934-1938 год, кратко представляла центральные символы тех лет и, по утверждениям, соответствовала политической линии времен заключения германско-советского пакта и последующего периода.

Возможность использования различных приёмов подобного рода предполагает присутствие в существующей догме антагонистических компонентов, т.е. утверждений отсылающих в разных направлениях и таким образом опровер-

гающих друг друга. «Диалектическая» структура базовой идеологии Коминтерна увеличивала возможность соответствия таким догматическим текстам, для которых во французском политическом словаре предусмотрено выражение «nègre blanc» (nègre blanc (франц.) – белый негр). Данная фраза также имеет значение намеренного формирования догматических текстов в обозначенной манере с тем, чтобы в последующем иметь возможность применить к ним рассмотренные символические методики. В задачи данной статьи не входит изучение, в какой степени исходная установка на это могла определять результат в рассмотренных случаях. То, что подобный замысел присутствовал, по крайней мере, в некоторых случаях – более чем вероятно. Возьмём, напр., резолюцию 7-го Конгресса в отношении ситуации на международной арене: «Если разразится новая империалистическая война, ... коммунисты приложат все усилия и возглавят борьбу её противников за трансформацию империалистической войны в гражданскую. Если начало войны заставит Советский Союз мобилизовать Красную Армию рабочих и крестьян, ... коммунисты призовут всех трудящихся всеми способами и любой ценой приближать победу Красной Армии...» [VII: 1184]. «Все способы» и «любая цена», по видимому, включают в себя и поддержку «собственной буржуазии» – если бы она согласилась сотрудничать с Советским Союзом – и «цену» за увеличение её (буржуазии – прим. пер.) шансов на победу. Противоречие между данными двумя предложениями ещё более усиливается тем, что ссылка на второе предложение заключена в первом: в опущенной части предыдущей цитаты упоминается, сообразным с целями гражданской войны считается контакт не только с «буржуазией», но и с «фашистскими разжигателями войны».

Б. Прямая фальсификация. Наиболее заметный пример приёма прямой фальсификации – цитаты Зиновьевым на 5-ом Конгрессе решению 4-го Конгресса по «рабочему правительству». Г.Е. Зиновьев цитировал тексты резолюций, принятых на 4-ом Конгрессе со скрытой целью подтвердить свои слова о том, что позиция, которую он отстаивал в 1924 году была идентичной занимаемой большинством в 1922, путём фальсификации и заведомо неверного цитирования.

© Лейтес Н., 2007

© Косарев М.И. (перевод), 2007

Yakobson S., Lasswell H.D.

**Перевод: Солопова О.А., Овсянникова И.А.
ПЕРВОМАЙСКИЕ ЛОЗУНГИ В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ (1918-1943)**

Abstract

The present paper deals with May Day slogans in Soviet Russia (1918-1943). The authors of the article prove that slogans are a sort of manual which helps the public to interpret the policy of the Communist party. Being authoritative, sated with key political symbols and widely spread, slogans turn out to be one of the important means of modern political communication. The article